

Иногда
один взгляд
меняет всё...

Осень в венах

— ЛИРА ОСКОЛЬСКАЯ —

Лира Оскольская

Осень в венах

<https://litres.ru/74514467>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я не верю в любовь с первого взгляда.

Во взгляды вообще верю с осторожностью, особенно если мужчина смотрит на тебя слишком внимательно и при этом улыбается так, будто вы уже знакомы.

В тот вечер я просто ждала автобус. Был дождь, промокшие волосы, испорченное настроение и твёрдое намерение добраться домой, не вступая ни с кем в разговоры. Потом рядом сел он. Всего несколько минут разговора, пара случайных шуток и странное ощущение, которое я решила списать на осень. Конечно, я ошиблась.

Потому что некоторые люди появляются в нашей жизни совершенно случайно, а потом почему-то остаются в ней гораздо дольше, чем собирались.

Особенно если у них янтарные глаза.

Содержание

Глава 1. Остановка	4
Глава 2. Янтарь.	15
Глава 3. 6 часов.	29
Глава 4. До завтра.	42
Глава 5. Подпись	59
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ли́ра Оско́льская

Осень в венах

Глава 1. Остановка

В октябре дождь умеет испортить даже те планы, которые изначально были настолько скучными, что портить их, казалось бы, уже некуда. Я сидела под навесом на остановке, поджав под себя одну ногу, и смотрела на дорогу, по которой мой автобус должен был приехать минут пятнадцать назад. Судя по тому, как быстро темнело, водитель решил немного пожить для себя, а пассажиры как-нибудь справятся. Я бы даже не удивилась. Мой автобус вообще отличался удивительной способностью появляться именно тогда, когда я уже переставала его ждать. Стоило мне один раз махнуть рукой и вызвать такси - и через тридцать секунд из-за поворота выкатывалось это старое чудовище с номером нужного маршрута, словно специально следившее за моими расходами.

Сегодня такси я вызвать не могла. Последние деньги на него закончились ещё неделю назад, когда я после работы решила, что совершенно заслужила поездку с комфортом. Тогда мне казалось, что семьсот с лишним рублей — не такая уж большая сумма. Сегодня, глядя на дождь и на пустую дорогу, я была готова признать: сумма была огромной, аст-

рономической и, возможно, судьбоносной.

На мне было тонкое пальто, которое прекрасно смотрелось утром и совершенно не соответствовало погоде вечером. Волосы, ещё час назад собранные в аккуратный хвост, теперь выбились на висках и неприятно липли к щекам. Под кроссовками хлюпала вода, а в наушниках гремела музыка, от которой, наверное, у женщины лет пятидесяти случился бы лёгкий сердечный приступ. Мне двадцать девять, я работаю тренером по хореографии в детском центре и большую часть своей жизни провожу среди людей, которые считают нормальным спросить, можно ли сегодня не делать растяжку, потому что «у Маши плохое настроение». После пяти часов с детьми тяжёлая музыка была для меня не развлечением. Это была терапия. Сегодня особенно. Одна из девочек - Милана, семь лет, характер как у маленького наполеоновского генерала, полчаса отказывалась вставать в третью позицию, потому что «это некрасиво и вообще так танцевали в прошлом веке». Я пыталась объяснить, что в прошлом веке так танцевала Плисецкая, но Милана парировала, что Плисецкая «уже старая и ей можно». После этого я сорок минут объясняла её маме, почему мы не ставим «Белый танец» на утренник, потому что это вальс, а у нас группа хип-хопа. К концу дня я чувствовала себя не хореографом, а дипломатом на переговорах, которые зашли в тупик.

Я прибавила звук и уставилась на дорогу. За стеклом останочного павильона расплывались жёлтые фонари, маши-

ны проходили по мокрому асфальту, разбрызгивая воду, а ветер гонял по тротуару листья, которые уже успели превратиться из красивого осеннего декора в мокрую коричневую кашу. Осень вообще довольно быстро теряет романтику, если у тебя промокли носки.

Я посмотрела на телефон. Двадцать минут. — Прекрасно, — пробормотала я.

Телефон, разумеется, не поддержал меня. Заряд оставался на двенадцати процентах, автобус отсутствовал, настроение находилось где-то в районе нуля, а завтра с утра мне снова предстояло объяснять восьмилетним девочкам, почему танцевать «как в клипе» без разминки — идея примерно такая же хорошая, как прыгать с дивана на кафельный пол. Я убрала телефон в карман и откинулась на спинку скамьи. Вот так и выглядит взрослая жизнь, если честно. В двадцать девять ты уже умеешь оплачивать коммуналку, самостоятельно записываться к врачу, разбираться с налогами и делать вид, что понимаешь, куда исчезают деньги. У тебя есть собственная квартира, которую ты когда-то считала главным доказательством того, что состоялась, и холодильник, в котором почему-то постоянно заканчивается сыр. Зато никто не говорит, что пора домой. Никто не спрашивает, где ты была. Никто не требует объяснить, почему ты пришла в половине десятого вечера. Свобода, конечно, замечательная вещь. Особенно когда сидишь одна под дождём и ждёшь автобус. В какой-то момент вдалеке мелькнули жёлтые огни. Я дёрнулась,

схватила сумку, сделала шаг к краю тротуара и поняла, что это не автобус, а мусоровоз. Он проехал мимо, величественно и неспешно, обдав меня запахом, который окончательно добил остатки моего оптимизма. Я вернулась на скамью и села с таким видом, будто меня только что предал единственный друг. Я уже начала всерьёз рассматривать вариант пешей прогулки, хотя до дома было почти сорок минут, когда со стороны перекрёстка появился мужчина.

Он шёл быстро, почти бежал, придерживая одной рукой капюшон куртки. Видимо, заметил автобус или, как и я, решил не проверять судьбу на прочность. На последних нескольких метрах он всё-таки перешёл на бег и влетел под навес буквально за секунду до того, как очередной порыв дождя ударил по стеклу. Я невольно посмотрела на него поверх телефона. Высокий. Тёмная куртка, джинсы, мокрые волосы, на которых поблёскивали капли воды. Вид у него был такой, будто он только что выиграл небольшую личную битву с погодой, хотя победа явно была сомнительной. Он несколько секунд просто стоял, переводя дыхание. Потом провёл ладонью по волосам и посмотрел на дорогу. Я снова отвернулась. Мне совершенно не хотелось разговаривать. Вообще ни с кем. Это состояние хорошо знакомо всем взрослым людям: ты ещё не настолько устал, чтобы потерять сознание, но уже достаточно, чтобы любое человеческое обращение воспринимать как покушение на личное пространство.

Мужчина посмотрел на свободный край скамьи. Потом на

меня. Я сделала вид, что не заметила. Он немного подождал.
— Извините, можно присесть?

Я вытащила один наушник. — Конечно.

Он сел, оставив между нами вполне приличное расстояние. Я снова вставила наушник. И мысленно очень вежливо попросила его молчать. Пожалуйста. Просто посидим рядом, как два совершенно нормальных незнакомых человека. Вы смотрите на дорогу, я смотрю на дорогу. Автобус когда-нибудь приедет, мы оба разойдёмся и больше никогда друг друга не увидим. Это был идеальный план. К сожалению, мужчины редко чувствуют момент, когда женщина всем своим видом сообщает миру: **оставьте меня в покое, я сегодня уже достаточно разговаривала с человечеством.** Он некоторое время молчал. Я почти расслабилась, потом услышала:

— Извините, — он чуть повернулся ко мне, перекрикивая шум дождя. — А 96-й вообще сегодня обещал быть?

Я неохотно вытащила один наушник. Посмотрела на него. Он был совершенно серьёзен.

— Обещал, — буркнула я. — Просто сегодня у него, видимо, выходной.

Он кивнул, переводя взгляд на пустую, залитую водой дорогу.

— Ясно. А то я уже подумал, что это не остановка, а место для медитации.

Я не удержалась и фыркнула.

— Почти. У меня сегодня как раз сеанс созерцания дожда.

— О, — в его голосе послышались улыбающиеся нотки.
— Тогда извините. Не хотел нарушать ваш вечерний ритуал.
Я посмотрела на него чуть внимательнее. Сарказм был уместным, не душным.

— Ничего, — я пожала плечами, снова начиная смотреть на дорогу. — Ритуал всё равно сегодня не задался. Автобус опаздывает.

Он тихо рассмеялся. И вот тут я впервые нормально на него посмотрела. Как раз в этот момент по дороге проезжала машина, и свет её фар на мгновение высветил его лицо. Я внезапно зацепилась взглядом за его глаза. Необычный, редкий цвет — янтарные, тёплые, с коричневым оттенком. По крайней мере, сначала я решила именно так. Этот тон особенно заметно выделялся на фоне тёмной куртки и мокрых волос. Я задержала взгляд буквально на секунду дольше, чем собиралась.

— Что? — он чуть наклонил голову, поймав мой взгляд.

— Ничего.

— Вы так смотрели, — в его голосе послышалась лёгкая усмешка. — Я уж подумал, может, я весь в грязи.

— Нет, — я поспешно отвела взгляд, чувствуя, как к щекам предательски приливает тепло. — Просто задумалась.

— Тяжёлый день?

— Угу. Настроения нет вообще.

— Понимаю, — он тихо вздохнул и снова посмотрел на мокрую дорогу. — У меня, кажется, тоже.

Я снова усмехнулась и отвернулась к дороге. Странно. Ещё минуту назад мне хотелось, чтобы этот человек исчез, а теперь я уже разговаривала с ним, хотя даже имени его не знала. Наверное, дождь действует на людей как-то неправильно. Или дело было в том, что иногда совершенно случайный человек оказывается рядом именно в тот момент, когда тебе особенно не хочется оставаться наедине со своими мыслями. Я посмотрела на часы. Двадцать пять минут задержки. Мой автобус всё ещё не появлялся. Мужчина рядом со мной вздохнул и тоже посмотрел на дорогу.

— Двадцать пять минут, — констатировал он. — Похоже, у нас с вами общий враг.

— Если вы про автобус, то да, — буркнула я, плотнее запахивая пальто.

— Я именно про него. Он сегодня беспощаден.

— Просто издевается, — согласилась я.

— Ну, хорошо, — он чуть усмехнулся, бросив на меня короткий взгляд и снова перевел глаза на дорогу.

Почему-то в этот момент его глаза показались мне чуть светлее. Я списала это на фонари. На дождь. На всё что угодно, лишь бы не думать о том, почему я вообще продолжаю на него смотреть. Потому что это был совершенно незнакомый мужчина. А я уже успела заметить цвет его глаз. И это, если честно, было немного подозрительно. Особенно для женщи-

ны, которая ещё пять минут назад мечтала только об одном: чтобы никто с ней не разговаривал.

Автобус появился ровно тогда, когда я окончательно перестала в него верить. То есть, разумеется, не тогда, когда я ещё выглядела человеком, способным выйти из транспорта и продолжить вечер без морального ущерба. Он дождался момента, когда вода успела добраться до штанин, волосы предательски распушились в разные стороны, а носки окончательно перестали иметь сухую часть. Я заметила его вдалеке и даже не сразу обрадовалась. Сначала просто посмотрела. Потом ещё раз. И только когда убедилась, что это действительно мой маршрут, а не очередная крупногабаритная иллюзия уставшей женщины, поднялась со скамьи.

— Наконец-то, — сказала я.

Мужчина тоже встал.

— Думаю, он почувствовал, что вы готовы уйти пешком.

— Я была готова на многое. Когда у человека промокли штанины, он способен на очень решительные поступки.

Он посмотрел на мои брюки и кивнул с таким видом, будто получил важное подтверждение собственной теории.

— Тогда хорошо, что автобус всё-таки приехал.

Я хотела ответить что-нибудь язвительное, но автобус уже подъезжал, шипя тормозами и обдавая остановку очередной порцией грязной воды. В этот момент я окончательно поняла, что жизнь не собирается сегодня меня баловать. Мы вошли почти одновременно. В салоне пахло мокрой шерстью,

резиной и чьим-то мандарином- видимо, кто-то вез домой продукты и мандарины помяло. На заднем сиденье спал парень в капюшоне, прижав к груди рюкзак, как плюшевого медведя. Водитель слушал какое-то ретро-радио, и из динамиков доносился хриплый голос, певший про то, что «осень - это вторая весна». Я подумала, что весна, видимо, тоже промокла и хочет домой. Народу оказалось меньше, чем я ожидала, поэтому мы без труда нашли свободные места. Я сразу направилась в конец салона. Мне нравилось сидеть там. Можно было смотреть в окно, никому не мешать и чувствовать себя хотя бы условно изолированной от человечества. Мужчина выбрал место ближе к началу автобуса. И это было правильно. Мы уже поговорили достаточно. Для одной остановки - даже слишком. Я сняла мокрый шарф, положила его рядом и достала телефон. Заряд показывал девять процентов. Прекрасный результат для вечера, который начинался с желания просто спокойно доехать домой.

Автобус тронулся. За окном поплыли мокрые улицы, фонари отражались в лужах длинными золотыми полосами, а капли на стекле превращали город в немного размытый акварельный рисунок. Я смотрела в окно и постепенно успокаивалась. Один раз я поймала отражение того мужчины в тёмном стекле. Он сидел, откинувшись на спинку, и смотрел в окно. Телефон он, кажется, даже не доставал. В отражении его лицо было размытым, почти нереальным. Я быстро отвела взгляд и уткнулась в свой телефон. В какой-то момент

поймала себя на том, что пытаюсь вспомнить, какого именно оттенка были его глаза. Янтарные. Точно. Хотя почему-то казалось, что минуту назад они были немного темнее. Наверное, освещение или просто мне показалось. Когда автобус подъехал к моей остановке, я встала, поправила сумку и протиснулась к выходу в начало автобуса. На ходу успела взглянуть на себя в тёмное стекло двери и тяжело вздохнула. Волосы выглядели так, будто последние полчаса я провела не под навесом, а в центре небольшого стихийного бедствия. Ладно. Дома разберусь.

Я уже взялась за поручень, когда услышала за спиной:
— Удачи с ритуалом.

Я обернулась. Мужчина сидел у окна и смотрел прямо на меня. И в этот момент я снова увидела его глаза. Янтарные. Тёплые, почти золотые в свете салонной лампы. И совершенно невозможно было понять, почему они вдруг показались мне другими. Я задержалась на секунду.

— Спасибо, — сказала я.

Двери открылись, и я вышла под дождь. Автобус сразу тронулся, оставив после себя шипение колёс, облако брызг и странное ощущение, будто я только что закрыла какую-то маленькую, совершенно неважную сцену своей жизни. Дождь к этому моменту чуть ослаб, превратившись в мелкую, противную морось, которая не столько мочит, сколько создаёт ощущение, что ты живёшь внутри мокрого полотенца. Я прошла мимо круглосуточного ларька, где

светилось единственное окно на всю улицу, мимо детской площадки, где качели скрипели на ветру, как в дешёвом хорроре, и свернула в свой двор. Панельки, знакомые с детства, стояли тёмными монолитами, и только в нескольких окнах горел свет. Я подумала, что за каждым из этих окон кто-то тоже сейчас снимает мокрую обувь, ставит чайник и пытается вспомнить, зачем вообще выходил из дома. Я поправила сумку и пошла дальше. На третьем шаге остановилась. Янтарь. Вот что мне вдруг пришло в голову. Мозг, видимо, решил компенсировать отсутствие сухих носков хотя бы поэтичными ассоциациями, раз уж заговорил о каких-то талисманах. Осень, дождь, задержавшийся автобус и незнакомец с глазами, меняющими оттенки, слишком много деталей для одного обычного вечера. Я снова пошла домой, решив, что завтра забуду об этом разговоре. Разумеется, я ошибалась.

Глава 2. Янтарь.

Утром я проснулась с совершенно ясным ощущением, что вчерашнего вечера не было. Это было бы удобно. Можно было бы спокойно встать, выпить воды, принять душ, собрать волосы и продолжить жизнь с того места, на котором она находилась до остановки, дождя и незнакомого мужчины с янтарными глазами. Но память, как назло, оказалась упрямой. Я вспомнила всё. Автобус. Мокрые штанины. Свои волосы, которые после дождя приобрели собственное мнение относительно причёски. И его. Особенно глаза. Я лежала на спине и смотрела в потолок, пытаюсь понять, почему вообще об этом думаю. В конце концов, мало ли у человека красивые глаза. У людей бывают красивые глаза, носы, улыбки, голоса, руки. Иногда всё это умудряется находиться одновременно у одного человека, и это ещё не означает, что надо писать об этом стихи и покупать совместную ипотеку.

Я перевернулась на бок и посмотрела на часы. Почти девять. Я обычно вставала раньше. По утрам у меня был свой маленький ритуал, который я соблюдала почти всегда: прогулка по парку, пока город ещё не успел окончательно проснуться. Летом это было особенно приятно, осенью — вообще отдельная история. После прогулки я возвращалась домой, принимала душ, завтракала и уже потом ехала на работу. Мне нравилось начинать день не с телефона. Хотя бы

первые сорок минут делать вид, что никакого телефона, мессенджеров и людей, которым почему-то срочно понадобилось написать мне в восемь утра, не существует. Я встала, прошла на кухню, поставила чайник и только потом вспомнила про вчерашние кроссовки.

Вот тут началась настоящая трагедия. Я открыла дверь в прихожую, посмотрела на пол и замерла. Кроссовки стояли там же, где я вчера их бросила. Мокрые. Вялые. Несчастные. С выражением двух существ, которые уже давно смирились со своей судьбой.

— Вот же чёрт, — сказала я.

Вчера после душа я собиралась поставить их сушиться, но в итоге почему-то решила, что утром сама собой решится проблема. Видимо, рассчитывала на чудо. Чудо не произошло. Я присела, потрогала носок одного кроссовка и сразу убрала руку.

— Даже не надейся.

На прогулку в них идти было невозможно. Вариантов оставалось два: отменить свою утреннюю прогулку или найти другую обувь. Я оглядела прихожую. Ботинки. Сапоги. Ещё одни кроссовки, которые я берегла для занятий и не хотела превращать в уличную обувь. Ботинки я отвергла сразу. После вчерашнего дождя в парке будет грязно, а таскаться по мокрым дорожкам в кожаной обуви мне совершенно не хотелось. Я уже собиралась смириться с нарушением собственного распорядка, когда вдруг вспомнила вчерашнюю мысль.

Янтарь. Остановилась. Постояла. И сама себе сказала:
— Ну а почему бы и нет?

Вчера это казалось случайной мыслью. Сегодня — вполне разумной идеей. Талисман. Небольшой кулон. Я вообще любила украшения. Не те тоненькие цепочки, которые нужно рассматривать с лупой, чтобы понять, что на них что-то есть, а нормальные вещи. С характером. Кольца, серьги, браслеты, подвески.

Мне нравилось, когда украшение было заметно. Наверное, именно поэтому у меня никогда не было комплексов по поводу крупных серёжек или тяжёлых металлических браслетов. При моей внешности это иногда выглядело забавно: люди, которые видели меня впервые, обычно ожидали услышать что-нибудь из лёгкого попса, а потом я садилась в машину, включала тяжёлую музыку и ехала домой так, будто собиралась захватить соседний район.

Я посмотрела на себя в зеркало.

— Янтарь, — сказала я своему отражению. — Просто янтарь.

Никаких мужчин. Никаких автобусов. Никаких странных взглядов. Просто красивый камень. Очень взрослое решение. Через двадцать минут я уже была на улице. Погода за ночь словно решила извиниться за вчерашнее. Небо очистилось, солнце светило неожиданно ярко, а воздух был свежим и прозрачным после дождя. Октябрь, который ещё вчера казался промозглым и злым, сегодня снова вспомнил, что во-

обще-то умеет быть красивым. Я шла к небольшому магазинчику украшений, который находился недалеко от парка, и с удовольствием подставляла лицо солнцу.

После дождя город выглядел иначе. Асфальт ещё блестел, в углублениях между плитками стояла вода, а деревья уже почти полностью сменили летнюю зелень на багрец и золото. Листья лежали на дорожках плотным ковром, шуршали под ногами и иногда срывались с веток, кружась в воздухе перед самым лицом. Осень была одета именно так, как ей и положено в хороших книгах: в багрец и золото. Жаль только, что хорошие книги обычно не рассказывают, как потом всё это великолепие приходится убирать дворникам. Я свернула к парку и какое-то время шла медленнее. Здесь я гуляла почти каждый день. Мне нравилось это место ещё и потому, что оно не требовало от меня ничего. В парке можно было не быть тренером, не быть дочерью, подругой, соседкой, ответственной взрослой женщиной, которая знает, куда положила документы и почему в холодильнике опять нет нормальной еды.

Здесь я была просто собой. Женщиной, которая иногда разговаривает сама с собой, слишком много тратит на украшения и считает, что нормальная жизнь обязательно должна включать музыку погромче. Я прошла по знакомой аллее, свернула к пруду и вдруг снова подумала о том, что давно занимало мои мысли гораздо серьёзнее, чем я хотела себе признавать. Студия. Точнее, пока никакая не студия, а сек-

ция. Небольшая танцевальная группа. Я уже несколько месяцев прокручивала эту идею в голове, перебирая варианты, просчитывая расходы и каждый раз находя причину, почему сейчас не время. Слишком дорого. Слишком рискованно. Слишком много ответственности. Слишком мало опыта именно в самостоятельной работе. А потом я обычно сама себе отвечала: прекрасно, а когда будет подходящее время? В тридцать пять? В сорок? Когда у меня появятся свободные деньги, лишние нервы и ещё одна жизнь в запасе? Так можно ждать до пенсии.

Я остановилась возле перил и посмотрела на воду. Мне хотелось своё пространство. Небольшое, светлое помещение, где будут зеркала от пола до потолка, нормальное покрытие, музыка, шкафчики для детей и место, где родители смогут подождать своих маленьких танцоров. Мне хотелось самой выбирать расписание. Самой решать, какие группы брать. Самой придумывать занятия. И, если совсем честно, мне хотелось однажды открыть дверь в помещение с табличкой, на которой будет написано:

«Танцевальная студия Лизы Евсеевой».

Пусть даже сначала там будет три группы по семь человек. Пусть я буду одновременно тренером, администратором, уборщицей и человеком, который вечером считает деньги и думает, хватит ли на новый проигрыватель. Мне всё равно хотелось попробовать. Потому что в последние месяцы работа в детском центре стала всё чаще вызывать у ме-

ня странное ощущение. Я любила детей. Правда. Любила их непосредственность, смешные ошибки, серьёзность, с которой они иногда сообщали вещи вроде «мне сегодня нельзя прыгать, потому что мама сказала, что у меня недосып».

Но мне хотелось большего, не от них, а от себя. Я достала телефон и открыла заметки. Там был мой список. Я сама его называла «План захвата мира», хотя пока это был скорее план захвата одного небольшого помещения.

Аренда. Ремонт. Зеркала. Пол. Музыка. Реклама. Документы.

И рядом с последним пунктом стоял вопросительный знак. Я пролистала список и усмехнулась.

— Ну давай, Лиза, — пробормотала я. — Самое время начать взрослую жизнь.

Телефон тут же завибрировал. Сообщение от коллеги.

«Лиз, ты сегодня сможешь прийти пораньше? У Вари опять мама просит поменять музыку для выступления».

Я закрыла глаза. Вчера я уже достаточно наслушалась про ритуалы. Сегодня мне предстояло разобраться с Вариной мамой. Вот где действительно требовался талисман. Я убрала телефон и продолжила идти. Магазины с украшениями находились на соседней улице. Маленькая витрина, тёплый свет внутри, несколько деревянных подставок и надпись, которую я замечала раньше, но почему-то никогда не заходила.

Когда я толкнула дверь, над ней звякнул колокольчик. Продавщица подняла голову.

— Доброе утро.

— Доброе.

Я подошла к витрине. Янтаря было много. Крупные камни, маленькие подвески, бусы, серьги. Я наклонилась ближе. Вот это уже было серьёзно. Я выбирала минут десять, хотя сама себе обещала, что возьму первое понравившееся украшение. В итоге первое мне не понравилось, второе оказалось слишком массивным, третье - слишком жёлтым, а четвёртое выглядело так, будто его только что сняли с шеи моей бабушки.

Наконец продавщица достала небольшую подвеску. Камень был тёплого медового цвета, неправильной формы, на тонкой цепочке. Я взяла её в руки. Красиво. И почему-то спокойно.

— Беру.

— Хороший выбор, — сказала женщина, глядя на меня с той особой теплотой, с какой смотрят на невест, выбирающих обручальные кольца. Я вежливо улыбнулась в ответ. Пусть думает что хочет. Я заплатила, надела кулон прямо в магазине и вышла обратно на улицу. Солнце уже поднялось выше. Я коснулась пальцами янтаря, почувствовав его тепло. Глупость, конечно. Самая обычная покупка. Просто камень. Просто случайный разговор на остановке. Просто мужчина, которого я больше никогда не увижу. Я пошла дальше по аллее, уже совершенно не думая о вчерашнем. По крайней мере, я так считала. До тех пор, пока через несколько минут

снова не вспомнила его глаза.

К работе я пришла за десять минут до начала первой группы, что для меня считалось почти подвигом. Обычно я приходила раньше, потому что дети обладают удивительным свойством появляться в тот момент, когда ты ещё не успел снять пальто, а родители - в тот же момент задавать вопросы, на которые желательно иметь ответы. В холле уже пахло влажными куртками, детским шампунем и чем-то сладким из автомата с перекусами. На диване сидела мама одного из моих учеников и пыталась одновременно застегнуть сыну куртку, собрать ему шарф и объяснить по телефону кому-то из родственников, что забрать ребёнка сегодня сможет только в половине шестого.

Я прошла мимо, улыбнулась и услышала вслед:

— Лиза, у нас сегодня точно танцы?

Я обернулась. Передо мной стояла Варя -маленькая, рыжеволосая, с двумя хвостиками, которые торчали в разные стороны так уверенно, будто им тоже хотелось участвовать в хореографии.

— А ты что, надеялась, что я передумала?

Варя серьёзно кивнула.

— Да.

— Отлично. Значит, у тебя всё ещё есть надежда на чудо.

Она вздохнула.

— Мама сказала, что у меня сегодня плохое настроение.

— А ты сама как думаешь?

Варя задумалась.

— Нормальное.

— Тогда будем работать с нормальным.

Она улыбнулась и убежала в зал. Я посмотрела ей вслед и улыбнулась уже сама. Вот за это я и любила свою работу. Дети не умели долго притворяться. Если им было скучно, они говорили, что скучно. Если им нравилась музыка, они танцевали даже тогда, когда музыка уже закончилась. Если они обижались, это длилось ровно до того момента, пока кто-нибудь не предложит им новую игру.

Взрослые были сложнее. Взрослые могли улыбаться и говорить «всё хорошо» с таким выражением лица, что становилось понятно: через пять минут начнётся война. Я только успела поставить сумку в шкафчик, когда в дверях появилась мама Вари. Та самая. Я сразу поняла по её лицу, что у нас сегодня будет продолжение вчерашнего разговора.

— Лиза, можно вас на минутку?

Конечно. Фраза «на минутку» в моей работе давно перестала иметь отношение ко времени.

— Конечно.

Мы отошли чуть в сторону.

— Я хотела ещё раз обсудить музыку для выступления.

— Давайте.

— Мне кажется, эта песня слишком... детская.

Я посмотрела на неё.

— В этом есть определённая логика.

Она не уловила шутку.

— Я бы хотела что-нибудь более современное.

— Варе восемь лет.

— Я понимаю.

— Тогда мы с вами уже знаем одну важную вещь.

— Какую?

— Она не должна танцевать под музыку, которую вы слушаете в машине.

Мама замолчала. Я тоже. Внутри у меня уже зашевелился тот самый человек, которого я обычно очень хорошо контролировала. Я вообще не была скандальной. Мне не нравилось ругаться, выяснять отношения, повышать голос и доказывать свою правоту человеку, который всё равно пришёл уже с готовым мнением.

Но иногда хотелось. Очень. Особенно когда взрослый человек пытался объяснить мне, как правильно заниматься с ребёнком, хотя сам видел тренировочный зал примерно столько же раз, сколько я видела внутренности космического корабля. Я улыбнулась.

— Давайте сделаем так. Вы покажете мне три варианта музыки, которые нравятся вам, я покажу три, которые подходят для выступления Вари. А потом попробуем найти что-нибудь между ними.

— А если я всё равно буду считать, что ваш вариант слишком простой?

— Тогда мы оставим простой вариант и будем надеяться,

что Варя переживёт эту трагедию.

На лице женщины впервые появилась улыбка.

— Вы всё время шутите?

— В основном когда хочется сказать что-нибудь другое.

Она рассмеялась.

— Хорошо. Договорились.

Когда она ушла, я посмотрела ей вслед и тихо выдохнула. Вот поэтому я и не хотела становиться руководителем. Потому что руководителю пришлось бы ещё и решать, кому сегодня можно сказать, что он неправ. А я предпочитала просто объяснять. Спокойно. С улыбкой. Иногда с очень выразительной улыбкой. Я вошла в зал и включила свет. Большое зеркало отразило меня во весь рост. Я машинально поправила волосы, коснулась пальцами нового кулона и вдруг увидела своё отражение чуть иначе. На шее поблёскивал янтарь. За спиной - привычный зал. Старый линолеум, который давно просился на пенсию. Зеркала, на которых кое-где уже появились потёртости. Музыкальная колонка, которую приходилось иногда уговаривать работать. И дети. Мои дети. Точнее, не мои, конечно. Но всё равно мои.

Я посмотрела на зал и вдруг совершенно отчётливо поняла, что больше не хочу ждать. Эта мысль пришла без красивой музыки, без озарения и без каких-нибудь знаков свыше. Просто пришла. Я давно могла хотя бы посмотреть помещение. Не подписывать договор. Не брать кредит. Не увольняться. Не продавать почку и не становиться женщиной, ко-

торая рассказывает друзьям о невероятных возможностях пассивного дохода. Просто посмотреть.

Я достала телефон. В заметках у меня давно был сохранён один номер. Я нашла его почти сразу. Объявление я увидела ещё пару недель назад совершенно случайно: небольшое коммерческое помещение недалеко от парка, с отдельным входом, большими окнами и достаточно просторным залом. Цена была выше, чем мне хотелось, но не настолько, чтобы сразу закрыть страницу. Тогда я решила, что сначала нужно всё просчитать. Потом ещё раз просчитать. Потом немного испугаться. Потом отложить. В общем, стандартная схема, по которой взрослые люди иногда очень успешно ничего не делают. Я открыла объявление. Посмотрела фотографии. Высокий потолок. Светлое помещение. Большие окна. Ровные стены. Я задержала взгляд на последней фотографии. Вот оно. Я могла представить там зеркала. Станки. Детей. Музыку. Себя. И вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь.

— Ладно, — сказала я тихо. — Сдаёшься, Лиза.

Палец завис над номером телефона. Я ещё несколько секунд смотрела на экран, после чего нажала кнопку вызова. Гудок. Второй. Третий.

— Слушаю.

Мужской голос был спокойным, с лёгкой хрипотцой. Где-то я его уже слышала, но не смогла вспомнить где - наверное, в новостном подкасте или по радио. Я выпрямилась, стара-

ясь, чтобы голос не дрожал.

— Здравствуйте. Я звоню по поводу помещения.

— Какого?

Я назвала адрес. На другом конце повисла короткая пауза.

— Вы хотите посмотреть?

— Да.

— Когда?

Я посмотрела на часы.

— Сегодня сможете?

— Смогу.

— Тогда...

Я замолчала. Почему-то мне стало неловко. Хотя ещё минуту назад я собиралась совершить величайший предпринимательский рывок в своей жизни.

— Давайте в шесть, — предложил мужчина.

— Хорошо.

— Договорились.

— До встречи.

Я отключила телефон и ещё несколько секунд смотрела на него. Странное дело. Я всего лишь договорилась посмотреть помещение. А ощущение было такое, будто только что подписала контракт с собственной будущей жизнью. Из раздалки донёсся голос Вари:

— Лиза! А мы сегодня будем прыгать?

Я убрала телефон в карман.

— Будем!

— Много?

— Настолько, чтобы твоя мама потом не смогла сказать, что мы слишком мало занимались.

Из зала раздался дружный смех. Я улыбнулась и пошла включать музыку. В шесть часов мне предстояло увидеть помещение. И, сама того не зная, я шла не просто за мечтой.

Глава 3. 6 часов.

До шести часов оставалось ещё несколько часов, а я уже успела пожалеть, что вообще позвонила. Это было даже немного смешно. Я спокойно могла месяцами объяснять родителям, почему их ребёнку полезно заниматься танцами, почему результат появляется не после третьего занятия и почему растяжка - это всё-таки не форма средневековой пытки. Могла выйти перед группой из пятнадцати детей и совершенно невозмутимо сказать: «Сегодня работаем над прыжками», хотя прекрасно знала, что через десять минут кто-нибудь обязательно потеряет ленту, кто-нибудь забудет комбинацию, а кто-нибудь сообщит, что больше никогда в жизни танцевать не будет. Но стоило мне подумать о том, что вечером я сама войду в какое-то помещение и посмотрю на него не как тренер, а как человек, который собирается сделать что-то своё, внутри начиналось странное волнение. Совершенно необоснованное. Я ведь ничего ещё не решила. Даже не знала, понравится ли мне это место вживую. И всё равно сердце иногда начинало биться быстрее, стоило представить большие окна, зеркала и пустой зал, который однажды мог стать моим.

Я списывала это на кофе. Потом вспоминала, что кофе не люблю. На погоду. Потом понимала, что погода вообще была прекрасной. В итоге пришлось признать очевидное: вол-

новалась я сама. Наверное, потому что это было связано не просто с помещением, а со мной. С той маленькой девочкой, которая когда-то впервые вошла в балетный зал и решила, что нашла самое красивое место на свете. Мне тогда было шесть. Я помню тот день удивительно хорошо, хотя прошло столько лет, что некоторые более важные события моей жизни уже растворились в памяти почти бесследно. Мы с мамой пришли в старое здание возле центра города. Я помню лестницу, тёмные перила, запах деревянного пола и длинный коридор, в котором было так тихо, что я почему-то боялась говорить громко. А потом открылась дверь в зал и я увидела зеркала. Большие, во всю стену. Увидела девочек в светлых купальниках, аккуратно собранные волосы, розовые балетки и станки вдоль стены. Услышала музыку, которая до сих пор иногда возникает в памяти совершенно без предупреждения. Мне казалось, что я попала в другой мир. Не в тот, где нужно было идти в школу, делать уроки, ждать папу с работы и слушать взрослых разговоры о деньгах, которые я тогда ещё не понимала. В другой – красивый, точный. Такой, где человек может вытянуть носок, поднять руку и вдруг стать частью музыки. Я помню, как посмотрела на маму и спросила:

— А я тоже буду так?

Она улыбнулась.

— Если захочешь.

Я хотела, очень. Первые несколько занятий я возвраща-

лась домой и пыталась повторять всё, что запомнила. Танцевала перед зеркалом в коридоре, в носках, потому что балетных туфель у меня тогда ещё не было. Падала, вставала, злилась, снова пробовала. Потом всё изменилось. У родителей начались сложные времена. Денег стало меньше, и занятия в школе балета постепенно превратились в роскошь, которую семья уже не могла себе позволить. Мне объясняли это осторожно, так, чтобы я не расстроилась. Я, конечно, расстроилась. Дети вообще прекрасно понимают, когда взрослые пытаются спрятать от них плохие новости за словами «пока не получится». В итоге меня отдали в бесплатный кружок в обычной школе. Я продолжила танцевать и даже полюбила это. Но того ощущения больше не было. Наверное, именно поэтому тот первый зал так и остался где-то внутри меня. Не как несбывшаяся трагедия, скорее как дверь, которую когда-то закрыли, потому что другого выхода не было.

А теперь я вдруг поняла, что сама могу её открыть. Пусть спустя двадцать три года. Пусть это будет не балетная школа с огромными зеркальными залами и идеальными девочками в пачках. Пусть маленькая секция. Пусть несколько групп. Пусть. Мне почему-то казалось, что это будет честно. И, может быть, именно поэтому я так волновалась. Я не собиралась осуществлять чью-то мечту. Я собиралась наконец-то дать себе ту возможность, которую когда-то пришлось отложить.

Я вышла после работы на улицу и снова почувствовала

осень. В этом году она почему-то особенно сильно засела мне в душу. Я не могла объяснить почему. Может быть, потому что последние несколько лет я вообще перестала замечать смену сезонов. Лето приходило вместе с жарой и уходило вместе с кондиционером, зима начиналась с первого снега и заканчивалась грязными сугробами, а весна всегда наступала где-то между двумя дедлайнами. А теперь я смотрела на деревья и замечала всё. Как листья становились почти красными. Как золото пробивалось между тёмными ветками. Как солнце ложилось на мокрый асфальт. Как ветер срывал с деревьев отдельные листья, и они долго кружили в воздухе, словно не торопились падать. Осень в этом году была какой-то слишком красивой. Даже подозрительно. Будто специально старалась привлечь внимание. Я шла к месту встречи, засунув руки в карманы пальто, и думала о том, что, возможно, всё это немного смешно. Я - взрослая женщина, которая совершенно серьёзно собирается открыть танцевальную секцию. У меня нет огромного капитала, нет богатого папы. Нет мужа, который скажет: «Дорогая, не переживай, я всё решу». Нет даже особого опыта в предпринимательстве. Есть только желание. И несколько десятков тысяч рублей на счёте, которые я уже мысленно поделила на ремонт, рекламу и случайные расходы, хотя до ремонта было ещё очень далеко.

Но желание почему-то оказалось самым упрямым из всего. Оно не исчезало. Я могла его отложить. Могла придумать

двадцать причин подождать. Могла сказать себе, что сейчас неподходящий момент, но каждый раз, когда я представляла пустой зал и зеркала, внутри становилось тихо. Так же тихо, как тогда, в шесть лет, когда я впервые переступила порог балетного класса. Я посмотрела на часы. До встречи оставалось пятнадцать минут. И вот теперь я волновалась уже по-настоящему. Хотя совершенно не понимала почему. В конце концов, я всего лишь шла посмотреть помещение. Всего лишь. Я повторила это про себя ещё раз. И почему-то от этого стало только хуже.

Подходя к месту, я увидела мужчину у входа и узнала его раньше, чем успела понять, почему. Сначала по голосу.

— Вы Лиза?

Я остановилась. Голос. Тот самый. Остановка. Дождь. Автобус. «Удачи с ритуалом». Я посмотрела на него внимательнее и только потом окончательно поняла.

Вот же чёрт. Конечно.

Из всех помещений в городе мне понадобилось именно то, хозяином которого оказался мужчина с янтарными глазами. Хотя тогда, в автобусе, я решила, что это просто удачное освещение. Сегодня выяснилось, что освещение здесь вообще ни при чём.

— Да, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он сделал шаг навстречу и протянул руку. И в этот момент мои пальцы случайно задели цепочку на моей шее. Янтарь. Чёрт. Я невольно коснулась камня, чувствуя его стран-

ное, почти живое тепло.

— Влад. - Представился он.

Я вложила свою ладонь в его. И именно в этот момент, при дневном свете, посмотрела ему в глаза. Господи. Они действительно были такими. Тёплыми, золотисто-коричневыми, почти медовыми. Сейчас в них будто застряло всё это октябрьское солнце. Я задержалась на этом взгляде всего на секунду, после чего всё-таки вспомнила, что мы стоим посреди улицы и знакомимся.

— Лиза, — представилась я.

— Мы уже встречались, — он чуть улыбнулся, и в этой улыбке не было ни капли смущения.

— Помню. На остановке.

— Я тоже помню. Вы ждали 96-й.

Почему-то после этого мне стало совершенно глупо неловко. Мы встретились один раз. Поговорили несколько минут. Он пошутил про мой вечерний ритуал, я купила после этого янтарный кулон, и вот теперь стояла перед ним, пытаясь сделать вид, что всё происходящее - это просто удачное совпадение. Я решила, что лучше всего просто спрятаться за деловым тоном.

— Покажете помещение?

— Конечно. Прошу.

Он открыл дверь, и я шагнула внутрь. И через несколько секунд перестала думать о нём. Потому что помещение оказалось именно таким, каким я представляла его по фо-

тографиям. А фотографии, как известно, умеют очень хорошо притворяться. Это - нет. Здесь было светло. Большие окна выходили на улицу, и вечернее солнце ложилось на пол длинными золотыми полосами. Высокий потолок - вот это уже прекрасно. Я подняла голову, прикидывая, сколько понадобится светильников, и сразу начала мысленно переставлять всё вокруг. *Здесь зеркала. Нет, лучшие зеркала вот на этой стене. Там можно поставить станок. Возле окна — небольшой диван для родителей, чтобы они пили кофе и смотрели в телефон. У входа шкафы.* Я сделала ещё несколько шагов, присела и провела ладонью по полу. Старый ламинат, местами вздувшийся.

— Вам нравится? — голос Влада раздался чуть поодаль. Я повернулась. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, и наблюдал за мной с лёгким любопытством.

— Да. Очень, — честно призналась я, поднимаясь.

— Это хорошо. Но позвольте спросить: что именно вы здесь хотите сделать? Я открыла рот, собираясь выдать заготовленную речь про «детскую студию эстетического развития», но вдруг замолчала. Ещё утром я представляла, как буду доказывать владельцу, что дети не разрушат его собственность. Но сейчас разговор неожиданно стал каким-то слишком личным.

— Танцевальную студию, — сказала я проще. — Для детей. От четырёх до двенадцати лет.

Он кивнул, словно я сказала что-то вполне ожидаемое, и

посмотрел на пол.

— Тогда пол придётся менять полностью. Детские ноги и каблуки мам, которые будут заходить в зал, убьют этот ламинат за месяц.

— Я знаю, — я снова посмотрела на вздувшиеся стыки.

— Я заложу это в смету. — Зеркала тоже будете устанавливать? Во всю стену?

— Обязательно. И станки.

— Стены перекрашивать?

— Скорее всего. В белый или очень светлый серый. Чтобы не давить на детей цветом.

Он повернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на скепсис.

— Вот это уже хуже.

Я нахмурилась. — Почему?

— Потому что стены меня устраивают. Они ровные, чистые и нейтральные.

— А меня нет, — парировала я, не думая. — Они скучные. В них нет жизни.

— Это принципиально?

— Абсолютно.

Он тихо рассмеялся, проводя рукой по волосам. Тот самый непослушный чуб снова упал ему на лоб.

— Вы всегда так быстро принимаете решения?

— Только когда понимаю, чего хочу.

И только сказав это, я поняла, что прозвучало это слиш-

ком самоуверенно. Влад ничего не ответил, но его взгляд стал чуть более оценивающим. Он обошёл центр зала, постукивая каблуком по полу, и остановился у дальней стены.

— А сколько групп вы планируете запустить? Вопрос застал меня врасплох. Обычно на этом месте люди спрашивали: «А вы точно потянете?».

— Сначала три. Потом, может быть, четыре, если наберу второго педагога.

— Четыре группы по десять-пятнадцать человек, — он прикинул в уме. — Плюс родители, которые будут ждать в коридоре. Вам понадобится зона ожидания. И туалет, который выдержит такой трафик.

— Я видела туалет, — кивнула я, чувствуя, как внутри разгорается азарт. Наконец-то нормальный, деловой разговор, а не просто «я хозяин, ты арендатор». — Он в конце коридора. Сантехника новая, я смотрела. А зону ожидания можно сделать вот здесь, — я показала на небольшой простенок у входа.

— Поставить кулер, пару кресел и Wi-Fi. Родители будут счастливы.

Влад посмотрел на меня, и в его янтарных глазах теперь читалось откровенный увлечение.

— Вы уже всё придумали.

— Почти.

— Даже то, как вы будете выживать первые полгода, когда не будет потока?

Я замялась. Вот оно. Больное место.

— У меня есть подушка безопасности. И сбережения на первый ремонт.

— Это хорошо, — он кивнул, и его тон стал чуть мягче. — Но ремонт почти всегда заканчивается не там, где начинался. Люди сначала говорят: «Мы просто покрасим стены». Потом выясняется, что нужно менять проводку, потому что старые розетки не выдержат вашу музыкальную колонку и свет для зеркал. А через месяц мне звонят и сообщают, что нужно ещё немного переделать.

— А если я сразу скажу, что мне не нравится всё? — я скрестила руки на груди.

— Тогда я хотя бы буду готов к худшему, — он шагнул ко мне, сокращая дистанцию, и я невольно почувствовала запах его парфюма. — Я не против того, чтобы вы сделали студию своей мечты, Лиза. Но я не хочу, чтобы вы разорились на скрытых платежах или случайно снесли несущую стену, решив, что так «просторнее». Я видел, как арендаторы пытались установить джакузи в сухой зоне и меняли проводку на скрутках. Давайте так: вы присылаете мне подробную смету. Если там будет демонтаж несущих конструкций или ещё что-то критичное - я запрещаю. Всё остальное - обсуждаемо.

Я посмотрела на него. Он был совершенно другим, чем на остановке. Там он был просто уставшим попутчиком, который шутил про дождь. А здесь, в этом пустом зале, он был хозяином. Надёжным, прагматичным и, чёрт возьми, привле-

кательным. — Договорились, — сказала я. — Я пришлю смету завтра к вечеру.

— Жду.

Я достала телефон. — Вы не против, если я немного снимаю для дизайнера?

— Снимайте.

Я навела камеру на окна, на потолок, на дальний угол. И случайно, совершенно случайно, в кадр попал он. Он стоял у стены, чуть склонив голову, и смотрел прямо в объектив. Я тут же опустила телефон.

— Извините.

— Ничего, — в его голосе снова слышались улыбающиеся нотки.

— Можете оставить. Вдруг пригодится для рекламы: «Аренда залов от мужчины, который не даёт двигать несущие стены».

Я рассмеялась. Вот только теперь мне почему-то стало сложнее сохранять исключительно деловой настрой. Потому что помещение действительно нравилось. Слишком сильно, а его хозяин, как назло, оказался тем самым человеком. И если помещение я ещё могла себе позволить захотеть, то второй пункт в мои планы совершенно точно не входил.

— Мне нужно всё просчитать, — сказала я, убирая телефон. — Ремонт, покрытие, зеркала, оборудование. И понять, во сколько мне это обойдётся.

— Разумно.

— Я могу вам завтра позвонить?

— Конечно.

— Хорошо. Тогда до завтра, Влад.

Я развернулась и пошла к выходу. У самой двери всё-таки обернулась. Он стоял посреди помещения, в золотых лучах заходящего солнца, и смотрел мне вслед.

— До завтра, Лиза, — сказал он. — И подумайте про зону ожидания. Родители любят кофе.

Я кивнула, хотя он уже не мог этого видеть, и толкнула дверь.

Прохладный октябрьский воздух ударил в лицо. Я прошла несколько шагов, остановилась у ближайшего фонаря и тихо выдохнула:

— Блин.

Потому что помещение мне нравилось. Очень.

И теперь мне предстояло составить смету, которую он одобрит. И доказать, что я знаю, что делаю. И не позволить этому мужчине с янтарными глазами сбить меня с толку своими дурацкими шутками про несущие стены.

Я достала телефон, открыла заметки и начала писать:

Пол — замена. Зеркала — во всю стену. Станки — две штуки. Свет — тёплый, не слепящий. Зона ожидания — кулер, кресла, Wi-Fi.

Я усмехнулась. Пусть думает, что я просто мечтательная девочка, которая хочет танцевать с детьми. Завтра он увидит, что я умею считать деньги и торговаться. И что я вооб-

еще-то тоже могу быть деловой.

Очень деловой.

Глава 4. До завтра.

На следующий день я несколько раз ловила себя на том, что думаю о помещении. Не о том, нравится ли мне район, не о стоимости аренды и даже не о том, сколько денег придётся потратить на ремонт. Я почему-то всё время представляла пустой зал таким, каким он мог бы стать. Это было странное ощущение. Вроде бы ничего ещё не произошло. Я просто посмотрела помещение, сделала несколько фотографий и обменялась номером с его владельцем. Обычная деловая встреча, каких у людей за жизнь бывает десятки. Вполне возможно, что через неделю я вообще найду другой вариант и буду удивляться, почему столько времени потратила на этот. Но стоило мне закрыть глаза, как я снова видела большие окна, светлый зал и ту стену, возле которой уже мысленно разместила зеркала.

А ещё я представляла детей. Почему-то именно их. Вот Варя пытается повторить движение и сердится на собственную ногу, которая почему-то решила жить отдельно от остального тела. Вот кто-то забыл связку, кто-то слишком сильно размахнулся и едва не снёс соседа, а кто-то после занятия ещё десять минут не хочет уходить, потому что сегодня у него наконец-то получилось то, над чем он мучился две недели. От этой мысли становилось тепло. И одновременно страшно.

Потому что мечта, пока она живёт в голове, очень удобна. Её можно передвинуть на следующий месяц, следующий год, вообще оставить до лучших времён. Она ничего от тебя не требует. А помещение уже требовало. Денег. Решения. Ответственности. И какого-то совершенно взрослого мужества, которого я у себя пока не обнаружила. Я сидела за рабочим столом, листала расчёты и пыталась понять, насколько сильно мне придётся затянуть пояс, если я всё-таки решусь.

Получалось так себе. Очень так себе. Я отложила ручку и посмотрела на экран телефона. В контактах висело имя Влад. Я сохранила его вчера вечером. Зачем-то посмотрела на фотографию профиля, которой у него не было, и почувствовала себя идиоткой. Как будто ждала, что вместе с номером телефона автоматически появится биография, семейное положение и инструкция по эксплуатации. Ничего подобного. Только имя. Я снова вернулась к расчётам. В четыре часа телефон завибрировал. На экране появилось его имя. Влад. Сердце почему-то дёрнулось. Совершенно глупо. Я ведь знала, что он может позвонить. Более того, мы вчера договорились, что я свяжусь с ним после того, как всё посчитаю. И всё равно, увидев его имя, я несколько секунд просто смотрела на экран.

Как будто от того, отвечу я сейчас или через пять секунд, зависела судьба моей будущей студии.

— Соберись, Лиза, — тихо сказала я себе и нажала на кнопку. — Ты вообще-то взрослая женщина, которая платит

налоги.

— Лиза, добрый день, — голос у него был спокойный, чуть хрипловатый. Тот самый.

— Добрый день, — я постаралась, чтобы голос звучал спокойно. Получилось, кажется, вполне убедительно. По крайней мере, сама себе я поверила.

— Я хотел уточнить, удалось ли вам всё посмотреть и решить по помещению?

Я взглянула на свои записи. Решить. Какое замечательное слово. Особенно когда ты ещё утром была уверена, что тебе понадобится минимум неделя, а лучше две, а в идеале — чтобы кто-то принял решение за тебя.

— Я всё посчитала, — сказала я. — Ну, примерно.

— И как впечатления?

Я улыбнулась, сама не понимая почему.

— Впечатления хорошие. Очень.

На другом конце стало тихо. Я уже начала придумывать, что сказать, если он сейчас сообщит, что передумал сдавать, когда он заговорил снова:

— Тогда я хотел предупредить вас об одной вещи.

Улыбка исчезла сама собой.

— Да?

— Появился ещё один человек, который заинтересован в помещении.

Я почувствовала, как внутри неприятно холодеет.

Конечно. Это было совершенно логично. Даже удивитель-

но, что я сама об этом не подумала. Помещение хорошее. Цена, насколько я могла судить, вполне адекватная. Расположение удобное. Разумеется, кто-нибудь ещё мог его захотеть.

— Понимаю, — сказала я. Голос почему-то стал тише. Отлично. Просто великолепно. Ещё не хватало, чтобы он подумал, будто я сейчас расплачусь в трубку.

— Он готов внести задаток и заключить договор довольно быстро. Поэтому я решил сначала позвонить вам и узнать, насколько вы вообще заинтересованы.

Я посмотрела в окно. За стеклом стояло октябрьское солнце, а я вдруг почувствовала себя так, будто мне сообщили плохую новость. Хотя никто ничего плохого не сказал. Просто у помещения появился другой желающий. Это же рынок. Так бывает. Бла-бла-бла.

— А вы уже... — Я запнулась, пытаюсь правильно сформулировать вопрос. — Вы уже договорились с ним?

— Пока нет.

— Понятно.

Я снова замолчала. Мне очень хотелось спросить, почему он тогда вообще звонит мне, если другой человек готов дать задаток. Но вопрос почему-то казался слишком прямым. Будто я лезу в чужие расчёты.

Я покрутила ручку между пальцами.

— Если вам удобнее заключить договор с ним, я пойму, — сказала я наконец. — Просто мне нужно немного времени,

чтобы окончательно всё посчитать.

— Мне понятно.

Он говорил спокойно, и от этого моё волнение только усиливалось. Я пыталась угадать, насколько всё серьёзно. Может, другой человек уже практически получил помещение, а Влад просто из вежливости дал мне возможность попробовать успеть первой.

Это было бы разумно. И немного обидно. Я ведь уже успела представить здесь свои зеркала.

— Можно я задам один вопрос? — спросила я.

— Конечно.

Я снова помолчала. И вот теперь вопрос показался мне особенно неловким.

— А почему... — Я остановилась и тихо выдохнула. — Почему вы не согласились сразу с ним, если он уже готов внести задаток?

Я ожидала услышать что-нибудь простое. Например, что человек предложил не ту сумму. Или хочет слишком долгий срок аренды. Или его не устроили какие-то условия.

Влад ответил после небольшой паузы:

— Потому что я пока не уверен, что хочу сдавать помещение ему.

Я нахмурилась.

— А мне?

Он тихо усмехнулся.

— С вами я тоже пока не уверен.

Я тоже улыбнулась, хотя внутри всё ещё было беспокойно.
— Это честно.

За окном кто-то проехал по мокрой дороге, и шум машин на несколько секунд заполнил паузу.

— Я просто... — начала я и снова остановилась. Как объяснить человеку, которого видела второй раз в жизни, что это помещение для меня значит чуть больше, чем просто квадратные метры? Что я искала его несколько месяцев? Что уже представляю там детей? Что в голове у меня всё получилось гораздо лучше, чем в банковском приложении? Что я боюсь сделать этот шаг и ещё сильнее боюсь однажды пожалеть, что так и не попробовала?

Я ничего этого не сказала.

— Мне очень понравилось помещение, — произнесла я вместо всего остального. — И я хотела бы его взять, если у меня получится всё потянуть.

— Хорошо.

Одно слово. А мне почему-то стало легче.

— Тогда давайте так, — продолжил он. — Вы спокойно всё ещё раз посмотрите, посчитаете. А завтра скажете мне окончательно.

— А если тот человек внесёт задаток раньше?

— До завтра я ему ничего обещать не буду.

Я замерла. Почему-то эта фраза зацепила.

— Хорошо, — сказала я тихо.

— До завтра, Лиза.

— До завтра.

Звонок закончился. Я положила телефон на стол и ещё некоторое время сидела неподвижно. В комнате было тихо. Передо мной лежала моя таблица расходов, открытая на ноутбуке. Цифры никуда не делись и внезапно стали выглядеть ещё серьезнее. Но теперь к ним добавилось ощущение времени. До завтра.

Я провела пальцем по экрану телефона, где всё ещё светилося имя Влад. Потом убрала руку. И только тогда заметила, что всё это время держала её в кулаке.

— Ну вот, — пробормотала я. — Припёрло.

Я снова открыла расчёты. На этот раз уже без желания закрыть их через пять минут. Если я действительно хочу эту студию, придётся перестать ждать момента, когда всё станет легко. Похоже, такого момента никто мне не обещал. И, судя по всему, ждать его Влад тоже не собирался.

После разговора с Владом я ещё минут пять сидела за столом, глядя на цифры, которые за это время совершенно не изменились и, к сожалению, не стали от моей надежды меньше. Потом всё-таки закрыла ноутбук. Работа сама себя не сделает, дети сами не станцуют, а если я продолжу сидеть над этой таблицей, то к вечеру начну воспринимать стоимость ремонта как личное оскорбление. Я убрала телефон в сумку и пошла в зал. По дороге поймала себя на том, что думаю о последней фразе Влада. «До завтра я ему ничего обещать не буду». Вроде бы ничего особенного. Обычная деловая дого-

ворённость. Но почему-то от неё осталось странное ощущение. Он мог спокойно сказать: «Решайте быстрее, иначе помещение уйдёт другому». Это было бы логично. Даже честно. Но вместо этого дал мне время.

Зачем? Я несколько раз прокрутила разговор в голове, пока не поняла, что начинаю искать скрытый смысл там, где его, скорее всего, вообще нет. Влад просто хотел сдать помещение. Я просто хотела его снять. Вот и всё. По крайней мере, пока.

В зале уже ждали дети. Варя стояла посреди комнаты с таким видом, будто только что узнала, что Дед Мороз - это мама. Настя сидела на полу и завязывала шнурки, хотя они у неё были на липучках. А Миша, самый младший в группе, почему-то держал в руках плюшевого медведя и смотрел на меня с выражением лица, которое явно говорило: «Я не виноват, это медведь захотел прийти».

— Так, — сказала я, хлопая в ладоши. — Разбираемся по местам. Сегодня у нас новая комбинация. И, пожалуйста, без медведей на паркете.

— А он не танцует, — серьёзно ответил Миша. — Он просто болеет за нас.

— Тогда пусть болеет вон там, в углу. Иначе он собьёт вам всю хореографию.

Миша кивнул и усадил медведя на скамейку.

— Лиза, — Варя подошла ко мне с таким видом, будто собиралась сообщить что-то жизненно важное. — А мы се-

годня будем прыгать?

— Будем.

— Много?

— Настолько, чтобы к вечеру вы все упали без задних ног.

— А если я устану?

— Тогда ты будешь уставать красиво. Это тоже навык.

Она задумалась.

— Хорошо. Тогда я буду уставать красиво.

Через десять минут я перестала думать о ремонте, Владе и банковском счёте, потому что Варя умудрилась забыть всю комбинацию, которую мы разучивали два занятия, а Настя объявила, что сегодня танцевать не будет, поскольку «у неё плохая энергетика».

— А вчера была хорошая? — спросила я.

— Вчера была.

— Что случилось?

Настя пожала плечами.

— Не знаю. Испортилась.

Я отвернулась, чтобы дети не заметили, как я смеюсь.

— Ладно, плохая энергетика. А хорошая где-то рядом бегает? Может, позовём её?

Настя посмотрела на меня подозрительно.

— А она придёт?

— Если будем стараться. Давай, поднимай руку выше. Вот так. А теперь нога. Отлично. Видишь, энергетика уже подтягивается.

Она фыркнула, но сделала движение. Вот поэтому я и любила эту работу. Здесь можно было совершенно серьёзно обсуждать испортившуюся энергетику, а через пять минут спорить о том, кто будет стоять в первом ряду. После занятия я только успела собрать музыку и закрыть шкафчик, как телефон снова зазвонил.

На этот раз я сразу увидела имя. Илья. Брат.

— Привет, — сказала я, прижимая телефон к уху и одновременно пытаюсь запихнуть в сумку бутылку с водой.

— Ты где?

— На работе.

— Я так и понял. У тебя голос рабочий.

— А какой у меня нерабочий?

— Когда ты ешь.

— Очень смешно.

Я улыбнулась и села на край стола. С братом у нас всегда было примерно так. Мы могли не разговаривать несколько дней, а потом за десять минут успевали обсудить всё: работу, бытовые проблемы, погоду, деньги, родственников и то, почему я опять умудрилась купить себе очередное украшение вместо чего-нибудь действительно полезного.

— Ты чего звонишь?

— Просто так.

— Илья.

— Ладно. Мама снилась.

Я замолчала. Он тоже. Это было одно из тех слов, после

которых между людьми возникает пауза, даже если они находятся за сотни километров друг от друга. Пять лет. Пять лет прошло с тех пор, как родителей не стало. Иногда мне казалось, что это огромный срок, который должен был всё расставить по местам. А иногда достаточно было услышать мамин голос во сне или случайно увидеть мужчину, похожего на отца, и я снова чувствовала себя той самой девочкой, которая ждёт, когда родители закончат разговаривать на кухне, чтобы рассказать им что-нибудь ужасно важное. Я провела пальцем по краю стола.

— Что приснилось?

— Да ничего особенного. Просто сидела на кухне. Пила чай. Смотрела в окно.

Я улыбнулась, хотя он меня не видел.

— Она бы сейчас сказала, что ты опять плохо ешь.

— Она бы сказала, что я вообще живу неправильно.

— Это точно.

Мы оба тихо рассмеялись. Потом Илья спросил:

— А ты как?

— Нормально.

— Лиза.

Я вздохнула.

— Правда нормально.

— Это ты сейчас голосом «нормально» сказала?

— А каким ещё?

— Таким, после которого я понимаю, что ты что-то заду-

мала.

Я посмотрела на свою сумку. Внутри лежал телефон, а в телефоне - фотографии помещения.

— Я кое-что нашла.

— Что?

— Помещение.

Он замолчал.

— Какое помещение?

— Для секции.

— Ты всё-таки решила?

Я почувствовала, как внутри снова появляется то самое волнение, которое не проходило со вчерашнего вечера.

— Пока не решила. Просто посмотрела.

— И?

— Очень хорошее.

— Настолько?

— Настолько.

Я встала и подошла к окну. На улице уже начинало темнеть. В октябре это происходило слишком рано, будто день каждый вечер сдавался без боя.

— Там большой зал, высокие потолки, окна хорошие. Отдельный вход. Можно сделать зеркала. Пол поменять.

— Аренда?

Я назвала сумму. Илья присвистнул.

— Неплохо.

— Вот именно.

— А ремонт?

Я назвала примерный расчёт.

Он снова замолчал.

— Лиз.

— Что?

— А ты сама потянешь?

Я посмотрела на отражение в стекле. Вопрос был простой.

Ответ - гораздо сложнее.

— Не знаю.

Сказать это вслух оказалось неприятнее, чем я ожидала.

Потому что до этого я могла делать вид, что всё под контролем. Считать, записывать, откладывать, строить планы. Но стоило произнести «не знаю», как вдруг стало ясно: денег у меня действительно недостаточно.

— Я могу помочь, — сказал Илья.

Я сразу отвернулась от окна.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это моя идея.

— И что?

— И я сама должна её сделать.

— Лиза, ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

— То есть взять деньги у брата - это что, преступление?

— Нет.

— Тогда почему ты сразу сказала «нет»?

Я ничего не ответила. Потому что знала причину. Мне хотелось однажды сделать что-то самой. Своими руками. На свои деньги. Так, чтобы никто не мог сказать, что мне помогли, устроили, оплатили, договорились. Наверное, это было упрямство. Наверное, гордость. А может, ещё что-то, о чём я сама пока не хотела думать.

— Я просто хочу попробовать сама, — сказала я наконец.

— Хорошо. Попробуй.

Я услышала улыбку в его голосе.

— Но если не хватит, возмёшь у меня.

— Илья...

— Даже не начинай.

— Я просто хотела сказать...

— Я знаю, что ты хотела сказать. Ты сейчас начнёшь рассказывать, что я тоже не миллионер и у меня своих расходов хватает.

Я улыбнулась.

— Ты меня слишком хорошо знаешь.

— Мы с тобой выросли в одной квартире. У меня не было выбора.

Я рассмеялась. И только потом снова стало тихо. Я посмотрела на улицу. На мокрый асфальт. На фонари. На отражение собственного лица в стекле.

— Знаешь, — сказала я, — наверное, поэтому я так хочу это сделать.

— Почему?

Я долго подбирала слова.

— Помнишь, как мама водила меня на балет?

— Конечно.

— Я вчера была в помещении и вдруг вспомнила тот первый зал. Прямо до мелочей. Зеркала, станки, запах дерева... Я тогда думала, что это будет моя жизнь.

Илья ничего не ответил. Я продолжила уже тише:

— Потом всё закончилось. Денег не было, меня перевели в бесплатный кружок. Я понимаю, что это всё было правильно. У родителей тогда выбора особо не оставалось. Но почему-то мне до сих пор кажется, что я ту дверь так и не закрыла.

На несколько секунд в телефоне стало совсем тихо.

— Тогда, может, пора открыть, — сказал Илья.

Я закрыла глаза. Очень простая фраза. И почему-то от неё защищало в носу.

— Ты иногда говоришь слишком умные вещи.— И ещё, Лиз.

— Что?

— Деньги у меня есть.

— Илья...

— Я серьёзно. Если понадобится — скажешь. Не надо героизма.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

— Это значит «да»?

— Это значит «я подумаю».

— У тебя это обычно означает «да, но через три недели».

— Вот видишь. Поэтому и не спрашивай.

Он рассмеялся. Мы поговорили ещё несколько минут, а потом попрощались. Я положила телефон в сумку и некоторое время просто стояла возле окна. Мне вдруг подумалось, что родители, наверное, действительно обрадовались бы. Мама бы сначала испугалась. Потом начала бы задавать миллион вопросов. Сколько аренда? А документы? А дети? А если не получится? А кто будет убирать? А деньги? Папа, скорее всего, молча посмотрел бы на меня и сказал что-нибудь вроде: «Если решила — попробуй».

И именно это я сейчас собиралась сделать. Попробовать. Я достала телефон и открыла переписку с Владом. Несколько секунд смотрела на пустое поле сообщения. Потом набрала:

«Я всё посчитала. Завтра готова обсудить договор».

Перечитала. Стёрла. Слишком официально. Будто я робот, который только и делает, что считает сметы.

Написала снова:

«Я думаю, что готова попробовать. Давайте завтра обсудим условия».

Вот так было лучше. Я нажала отправить. Ответ пришёл почти сразу.

«Хорошо. Тогда завтра в шесть»

Я посмотрела на сообщение и почувствовала, как внутри снова появляется это странное волнение. До завтра оста-

валось совсем немного. И почему-то мне казалось, что после завтрашнего разговора моя жизнь действительно может немного измениться.

Глава 5. Подпись

Утро началось с того, что я проснулась за несколько минут до будильника и некоторое время лежала, глядя в потолок. Такое обычно случалось перед чем-нибудь важным, хотя я упорно продолжала убеждать себя, что сегодня ничего особенного не происходит. Обычный день. Прогулка. Работа. В шесть вечера — встреча с Владом. Обычный день, конечно. Если не считать того, что от этой встречи зависело, появится ли у меня когда-нибудь собственная танцевальная секция, или моя мечта снова отправится в тот самый мысленный шкаф, куда я складывала всё, на что пока не хватало смелости.

Я перевернулась на бок и посмотрела на телефон. Пять минут до будильника. Можно было ещё полежать. Я лежала примерно тридцать секунд, после чего окончательно поняла, что уже проснулась и теперь только зря трачу время на изображение спящего человека.

— Господи, Лиза, — пробормотала я, садясь на кровати. — Ну чего ты волнуешься? Ты вообще-то взрослая женщина, которая вчера подписала себе приговор в виде таблицы эксель.

Я пошла на кухню, поставила чайник и по привычке открыла окно. В квартиру тут же ворвался холодный воздух. Октябрь уже перестал притворяться продолжением сентяб-

ря. Утром от него тянуло прохладой, хотя днём солнце ещё умудрялось согревать улицы. Я любила эту странную осеннюю погоду, когда утром хочется завернуться в шарф, а после обеда можно идти без перчаток и делать вид, что зима где-то очень далеко. После чая я оделась для прогулки. Это тоже давно стало привычкой. Я вообще любила гулять одна. За последние годы научилась ценить возможность идти куда-нибудь без необходимости поддерживать разговор. Можно думать о своём, рассматривать людей, деревья, витрины, иногда совершенно бессмысленно сворачивать на соседнюю улицу, а потом обнаруживать, что прошла лишних три километра.

Сегодня я собиралась в парк. У зеркала задержалась чуть дольше обычного. Выглядела я, на мой взгляд, вполне прилично. Рост у меня был средний, фигура — скорее стройная, чем хрупкая, а лицо я вообще считала удачным, хотя говорить это вслух было бы слишком самоуверенно даже для меня. Волосы у меня были тёмно-русые, густые и совершенно самостоятельные. Именно самостоятельные. Особенно в дождливую погоду они начинали жить собственной жизнью, распушались, завивались там, где им хотелось, и окончательно переставали интересоваться моими планами. Я привыкла. Наверное, поэтому никогда не пыталась добиться от них идеальной укладки. Мне нравилась живая внешность, когда человек выглядит так, будто действительно вышел из дома, а не провёл сорок минут перед зеркалом, убеждая каждую

прядь лежать строго по плану. Хотя для работы это иногда создавало проблемы. Волосы постоянно лезли в лицо, особенно во время занятий. Я собирала их в хвост, заплетала, убирала под сетку, а иногда просто закалывала так, как получалось.

Сегодня я вдруг вспомнила, что мои старые сеточки окончательно пришли в негодность. Вот и будет повод зайти в магазин. Я накинула пальто, сунула телефон в карман и вышла. Осень встретила меня прозрачным холодным воздухом и солнцем. После дождей город выглядел особенно чистым. На тротуарах ещё кое-где блестели небольшие лужи, а деревья вдоль дороги уже почти полностью сменили летнюю зелень на багряную, медную и золотую. Я замедлила шаг. В этом году осень почему-то действовала на меня сильнее обычного. Я замечала её. Раньше она просто наступала. Потом становилась холоднее, темнее, мокрее — и вдруг уже зима. Теперь всё было иначе. Я замечала листья. Свет. Запах мокрой земли. Даже то, как солнце просвечивало сквозь ветви и оставляло на дорожках золотые пятна. Наверное, я просто стала чаще смотреть по сторонам. Или жизнь наконец-то заставила. В парке я прошла привычный круг, а потом свернула к небольшому магазинчику, где продавались всякие мелочи для волос. Сеточки я нашла почти сразу. Чёрные, простые, пять штук в упаковке. Я взяла две. Потом почему-то ещё одну. Продащица - женщина лет сорока, с добрым лицом и усталыми глазами — посмотрела на меня с лёгким

удивлением:

— Вам столько?

— У меня работа такая, — объяснила я, выкладывая на прилавок мелочь. — Тренер по хореографии. Заколки у детей заканчиваются быстрее, чем терпение у родителей.

Она засмеялась, пробивая чек:

— О, я вас понимаю. Моя дочка тоже танцует. У неё за неделю теряется всё: то резинка, то заколка, то настроение.

Я посмотрела на упаковки и кивнула с видом человека, который понял жизненную истину:

— Вот видите. Я так и знала, что не я это придумала себе. Спасибо, что подтвердили.

Вышла из магазина уже в хорошем настроении. До работы было ещё время, и я решила пройтись пешком. В голове снова появился вчерашний разговор с Ильёй. «Если решила - попробуй». Мне нравилась эта мысль. Попробовать. Без обещаний самой себе, что всё обязательно получится. Без торжественных клятв начать новую жизнь с понедельника. Просто сделать шаг. Иногда, наверное, этого достаточно. Рабочий день прошёл быстро. Дети сегодня были особенно шумными, поэтому к половине пятого я уже чувствовала себя человеком, который провёл несколько часов внутри работающего стирального барабана. После последнего занятия я заперла шкафчик, собрала волосы в новую сетку и посмотрела на себя в зеркало. Получилось вполне прилично. Для человека, который через час собирался обсуждать договор

аренды, даже слишком прилично.

Я поправила воротник пальто и достала телефон. Сообщение пришло ровно в пять. **Влад: «Давайте сегодня встретимся в офисе. Там спокойнее обсудить договор. Адрес тот же. В шесть?»** Я прочитала дважды. Почему-то мне стало спокойнее. Наверное, потому что офис звучал серьёзнее, чем помещение. В помещении я была человеком с мечтой. В офисе предстояло стать человеком с цифрами, условиями и подписью.

«Да, буду в шесть», — написала я.

Ответ пришёл почти сразу.

«Хорошо. До встречи».

Я убрала телефон. До встречи. Всего два слова. А я вдруг снова почувствовала волнение. В шесть без пяти я вошла в офис. Он оказался небольшим, но аккуратным. Ничего лишнего: несколько шкафов, массивный деревянный стол, два кожаных кресла, папки, компьютер и чайник в углу. По нему сразу было видно, что Влад действительно здесь работает, а не просто иногда приходит ставить галочки в документах. Сам Влад сидел за столом и что-то просматривал в бумагах. Он поднял голову, увидел меня, и по тому, как изменились его глаза, я поняла, что он тоже рад этой встрече. Но голос у него был совершенно деловой:

— Добрый вечер, Лиза. Проходите.

Я сняла пальто и повесила его на спинку кресла, устраиваясь напротив.

— Ну что, — сказала я, расстёгивая сумку. — Будем делать вид, что мы серьёзные деловые люди, которые видятся второй раз в жизни?

Он чуть приподнял бровь, опираясь локтями о стол:

— А разве нет?

— Я сегодня купила три сеточки для волос вместо одной, потому что продавщица меня запугала историями про потерянные заколки. Вряд ли это тянет на серьёзного бизнесмена.

Влад тихо рассмеялся, и напряжение, которое я тащила в себе с самого утра, наконец-то начало отпускать. Дальше всё действительно прошло хорошо. Мы обсудили договор, срок аренды, коммунальные расходы. Влад оказался внимательным к деталям, но при этом не пытался превращать каждый пункт в борьбу за власть. Когда речь зашла о ремонте, он достал из папки отдельный лист и придвинул его ко мне.

— Вот здесь можете менять покрытие, — он провёл пальцем по схеме, и я невольно проследила за его рукой. — Зеркала тоже. Стены можно перекрасить, но сначала покажете мне цвет.

Я посмотрела на него поверх бумаги:

— Вы серьёзно хотите лично выбирать со мной цвет стен?

— Я хочу убедиться, что утром не проснусь и не обнаружу здесь кислотно-розовый зал, в котором дети будут танцевать как в кошмарном сне.

— Я уже чувствую, как рушатся мои творческие планы.

— Придётся пережить.

— А если цвет будет очень красивым?

— Тогда разрешу. Но без фанатизма.

Мы оба улыбнулись. Когда я поставила подпись в последнем экземпляре, то на секунду задержала ручку в пальцах. Странное, почти торжественное чувство. Я смотрела на собственное имя, выведенное чернилами, и понимала, что только что сделала что-то, о чём несколько месяцев назад боялась даже говорить вслух. У меня пока не было студии. Не было детей. Не было ремонта. Не было даже уверенности, что я справлюсь. Но у меня появился первый настоящий шаг.

Я подняла глаза. Влад смотрел на меня спокойно, без насмешки.

— Поздравляю, — сказал он тихо.

— С чем?

— Вы только что арендовали помещение. Кажется, вы всё-таки это сделали.

Я выдохнула, откладывая ручку:

— Кажется, да.

Мы ещё немного поговорили о сроках, а потом я заметила, что за окном стало темно. И почти сразу услышала дождь. Сначала он тихо застучал по стеклу, а через несколько минут превратился в настоящий октябрьский ливень, смывающий остатки дневного света.

Я подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу.

— Ну прекрасно, — пробормотала я.

— Что? — голос Влада раздался прямо за моей спиной.

— Автобус. Я опять буду его ждать. Он никогда не приходит вовремя, а такси я вчера уже мысленно потратила на ремонт.

Влад рассмеялся, подходя ближе: — Серьёзный подход. Тогда давайте хотя бы переждём здесь. Я заварю кофе.

Я повернулась к нему. Потом на дождь. Потом снова на него.

— Кофе?

— Да.

Я помолчала. — Только есть одна небольшая проблема.

— Какая?

— Я его не пью.

Он на секунду замер, а потом улыбнулся:

— Совсем?

— Вообще.

— Тогда придётся придумать что-нибудь другое.

Я посмотрела на него и уже собиралась ответить что-нибудь про чай, когда снова встретила с его взглядом. И снова эти глаза. Почему они вообще так действовали на меня? Вчера я решила, что всё дело в освещении, сегодня убедилась, что дело явно в самих глазах, а теперь поймала себя на совершенно неприличной мысли: они каким-то образом умудрялись волновать душу. Как эта странная осень. Слишком яркая, слишком красивая, слишком вовремя появившаяся в моей жизни. Я первой отвела взгляд, чтобы не превра-

щать обычное предложение переждать дождь в сцену из дешёвого романтического фильма.

— Ладно, — сказала я, поправляя ремешок сумки на плече. — Ваша компания не самая худшая. Можно и переждать.

Влад улыбнулся: — Уже прогресс.

— Только не обольщайтесь. Я всё ещё не пью кофе.

— Придётся пережить и это.

Я рассмеялась. За окном дождь продолжал барабанить по стеклу, словно собирался задержать меня здесь надолго. И, если честно, впервые за всё время я была против этого совсем чуть-чуть. Дождь всё никак не собирался заканчиваться. Он уже давно перестал быть красивым осенним фоном и превратился в довольно убедительный аргумент в пользу того, чтобы никуда не торопиться. Вода стекала по стеклу длинными дорожками, фонари напротив расплывались золотистыми пятнами, а мокрый асфальт блестел так, будто кто-то специально вылил на него ведро лака.

Я сидела в кресле напротив Влада и грела ладони о чашку с чаем. За что я мысленно была ему благодарна. Чай с чабрецом оказался на удивление хорошим, и я уже на втором глотке поймала себя на том, что мои плечи наконец-то опустились и перестали изображать вешалку для пальто. Влад сидел напротив, откинувшись на спинку кресла, и я вдруг поймала себя на том, что рассматриваю его совершенно беззастенчиво. Наверное, потому что в офисе, при тёплом свете настольной лампы, он выглядел совсем иначе, чем на остановке или

даже вчера в пустом зале. Там он был просто незнакомцем в мокрой куртке или хозяином помещения, озабоченным состоянием стен. А здесь, в своей привычной среде, он казался спокойнее и как-то... объёмнее, что ли.

На нём была тёмно-синяя рубашка с закатанными до локтей рукавами, расстёгнутая на верхнюю пуговицу, и тёмные брюки, которые сидели так, будто их шили на заказ, а не покупали в ближайшем торговом центре. Пиджак висел на спинке стула, видимо, снятый ещё до моего прихода. Широкие плечи, прямая осанка, длинные пальцы, обхватывающие чашку, — он выглядел человеком, который привык к деловым разговорам и решениям, но при этом не пытался давить авторитетом. Тёмные волосы были чуть длиннее, чем у большинства мужчин, предпочитающих утром просто провести ладонью по голове и считать задачу выполненной. На лбу лежал тот самый непослушный чуб, который явно жил по собственному расписанию и никак не желал подчиняться общей аккуратности образа. Но больше всего меня, конечно, снова зацепили глаза. Янтарные. Вчера они казались мне тёплыми, медовыми, почти коричневыми. Сейчас, в свете лампы, в них появилось больше золотистого оттенка, будто под радужкой зажёгся маленький свет. Я уже перестала пытаться понять, от чего это зависит — от освещения, от настроения, от угла, под которым я на него смотрю. Просто приняла как факт: его глаза меняются. И это, если честно, было чертовски неудобно, потому что каждый раз я ловила себя на же-

лании посмотреть ещё раз.

— Знаете, — сказала я, глядя в окно и делая вид, что мой вопрос абсолютно случаен, — мне всё-таки интересно.

— Что именно? — он поднял глаза от чашки.

— Почему вы так держитесь за это помещение? — Я повернулась к нему, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, а не как допрос. — В прямом смысле. Вы могли бы сделать там ремонт, поднять цену, найти арендатора, который вообще ничего менять не захочет, и спокойно сдавать. Но почему-то каждый раз, когда я заговариваю про стены или пол, у вас появляется выражение лица человека, которому предлагают снести родной дом.

Влад не сразу ответил. Он медленно поставил чашку на стол, провёл пальцем по её краю и посмотрел куда-то в угол, словно там висела невидимая фотография.

— Помещение досталось мне от отца, — сказал он наконец.

Я сразу пожалела о своей шутке. Тепло в груди сменилось острым уколом неловкости.

— Простите. Я не знала.

— Вы и не должны были знать, — он покачал головой, и в его голосе не было ни упрёка, ни печали, только спокойная констатация факта. — Отец покупал его давно, ещё в девяностых. Тогда там вообще ничего похожего на офис не было — голые стены, протекающая крыша, полы в пятнах. Он сам занимался ремонтом. Сам таскал мешки со штукатур-

кой, сам менял проводку, сам красил. Потом сдавал. Потом снова ремонтировал. В общем, большую часть времени что-то там улучшал, как будто это был его личный проект, а не просто квадратные метры.

Он замолчал, и я не стала перебивать. В такие моменты слова лишние — нужно просто дать человеку пространство, чтобы он договорил то, что решил сказать.

— Поэтому я знаю, сколько сил было в это вложено, — продолжил он через несколько секунд, снова глядя на меня. — И мне не хочется, чтобы кто-то пришёл и всё это перечеркнул за пару недель.

Я кивнула, чувствуя, как внутри поднимается волна странного, почти болезненного узнавания. Мы оба, оказывается, хранили что-то важное. Он — память об отце и его труде. Я — память о том первом зале с зеркалами и запахом дерева.

— А я уже представляла, как перекрашиваю вам стены в розовый, — тихо сказала я.

— Я заметил, — в уголках его губ мелькнула улыбка.

— Простите ещё раз.

— Вы слишком часто извиняетесь.

— Это потому, что я воспитанная.

— Или потому, что понимаете, что собираетесь спорить, и заранее смягчаете удар.

Я улыбнулась, признавая поражение:

— Второе тоже возможно.

Он рассмеялся, и от этого звука в маленьком офисе стало как-то теплее. Я поймала себя на том, что мне становится интересно слушать. Не про помещение. Про него. Когда человек перестаёт быть просто владельцем квадратных метров, он неожиданно становится объёмным. У него оказывается отец, история, свои привычки, свои причины держаться за вещи.

— А вы сами чем занимаетесь? — спросила я, подтягивая под себя ногу. — Кроме того, что пугаете арендаторов запретом на розовые стены?

— Всем понемногу, — он пожал плечами с видом человека, который устал объяснять одно и то же. — У меня небольшая компания. Коммерческая недвижимость, аренда, управление помещениями. Несколько объектов в городе, пара за его пределами.

— То есть вы действительно тот человек, который знает, сколько стоит каждый квадратный метр и почему он стоит именно столько.

— К сожалению, — он усмехнулся, и в этой усмешке была усталость, которую я прекрасно понимала. — А вам нравится?

Он задумался, и мне понравилось, что он не стал выдавать заготовленный ответ про «любимое дело» и «призвание».

— Иногда. А если не иногда, то я стараюсь не думать об этом вечером.

— Хорошая стратегия. Рабочая?

— Единственная.

Я засмеялась, а потом почему-то захотела рассказать что-нибудь в ответ. Наверное, разговоры так и работают: один человек приоткрывает дверь, второй понимает, что ему тоже можно заглянуть внутрь.

— Я тоже не сразу стала тренером, — сказала я, глядя в свою чашку, где плавали чайники. — В детстве хотела танцевать. Профессионально.

Он посмотрел на меня внимательнее, чуть наклонив голову:

— А что случилось?

— Жизнь. Родители не могли больше оплачивать занятия, поэтому меня перевели в бесплатный школьный кружок. А потом я выросла, закончила учёбу и как-то незаметно оказалась там, где нахожусь сейчас.

— И вас это устраивает?

Я помолчала, подбирая честный ответ.

— Сейчас — да. Но мне всегда хотелось своего места. Небольшого. Даже не школы. Просто секции, чтобы дети могли прийти после школы, поставить сумку в угол и два часа заниматься тем, что им нравится. Не для конкурсов, не для отчётов. Просто для себя.

— А потом?

— А потом я, наверное, начну нервничать, что мало места, — я улыбнулась. — Человек вообще странное существо. Сначала мечтает о маленьком, а когда получает, сразу хочет

больше.

— Это точно, — он кивнул, и в его глазах снова вспыхнуло то самое золото.

За окном дождь стал тише, превратившись из ливня в монотонную морось. Я посмотрела на часы и удивилась: мы просидели здесь уже больше часа. И только сейчас поняла, что мне совершенно не хочется торопиться. Я ведь ещё совсем недавно считала минуты до автобуса, а теперь сама не замечала времени. С Владом было легко разговаривать. Именно это меня немного настораживало. Слишком легко. Он не пытался казаться интереснее, чем был. Не расспрашивал меня с настойчивостью человека, который решил за один вечер узнать всю мою биографию. Просто слушал, иногда задавал вопросы, иногда шутил. И от этого я почему-то расслабилась.

— Вы давно живёте в этом городе? — спросил он вдруг, и вопрос прозвучал так спокойно, будто он спрашивал о погоде.

Я подняла глаза.

— Давно.

— А родители?

Я на секунду замолчала. Пять лет. Пять лет прошло с тех пор, как их не стало. Боль никуда не исчезла, просто перестала быть ежедневной. Она стала как старый шрам — не болит, но ты знаешь, где он.

— Их уже пять лет нет, — сказала я ровно. — Есть брат,

Илья. Он иногда очень активно пытается спасти меня от моих собственных решений.

— Получается?

— Редко. Но он не теряет надежды, и я им восхищаюсь.

Влад улыбнулся, и мы снова замолчали. Тишина теперь была совсем другой. Не неловкой. Скорее спокойной, обволакивающей, как этот дождь за окном. Я допила чай и поставила чашку на стол, чувствуя, что момент подходит к концу.

— Кажется, дождь заканчивается, — сказала я, кивнув в сторону окна. — Значит, пора возвращаться к суровой реальности.

— Автобус?

— Автобус.

Он усмехнулся:

— Вы его действительно так не любите?

— Я его уважаю за способность появляться именно тогда, когда уже успеваешь решить, что домой придётся идти пешком. Это своего рода талант.

Влад рассмеялся и поднялся из-за стола. Я надела пальто, поправила шарф и уже собиралась взять сумку, когда он задержался возле двери и посмотрел на меня так, будто хотел сказать что-то важное, но ещё не решил, стоит ли.

— Лиза.

— Да?

— Можно ещё один вопрос?

— Можно, — ответила я, хотя внутри уже пробежала лёг-

кая дрожь предчувствия.

Он немного помедлил, и я заметила, как его глаза потемнели — стали почти коричневыми, с едва заметной золотой искрой на дне.

— А муж или парень у вас есть?

Я замерла, держа руку на ремешке сумки. Вопрос был сказан спокойно, почти буднично, но в этой будничности мне послышалось что-то совсем другое. Что-то, от чего у меня на секунду перехватило дыхание.

— Нет, — ответила я.

Он едва заметно улыбнулся, и в этой улыбке было столько тихого облегчения, что мне захотелось улыбнуться в ответ.

— Понятно.

— А почему вы спрашиваете? — не удержалась я.

Влад посмотрел на меня спокойно, словно я задала самый обычный вопрос на свете.

— Просто.

И всё. Никакого продолжения, объяснения или попытки перевести разговор в шутку. Просто. Я смотрела на него несколько секунд, пытаюсь понять, действительно ли он собирается оставить всё именно так. Похоже, собирался.

— Очень содержательно, — пробормотала я.

— Могу сказать «просто стало интересно». Это уже почти три слова.

Я рассмеялась, хотя внутри всё ещё оставалось какое-то непонятное, сладкое ощущение. Вопрос был слишком лич-

ным для случайного интереса, но недостаточно прямым, чтобы я могла всерьёз предъявить ему претензии. Поэтому я решила оставить его там же, где он и возник. Между нами. Мы вышли из офиса. На улице действительно стало тише. Дождь почти закончился, только с крыш ещё время от времени срывались тяжёлые капли, а под ногами блестел мокрый асфальт, отражая фонари длинными золотыми полосами. Воздух пах листьями, водой и холодом. Октябрь после дождя всегда казался мне каким-то особенно настоящим — без попытки понравиться, без декораций, просто голый и честный.

Мы пошли к остановке. Несколько минут молчали, и это молчание не тяготило. Я поправила ремешок сумки на плече и вдруг почувствовала, что из кармана пальто предательски выглядывает белый провод от наушников. Я машинально попыталась запихнуть его обратно, но было поздно — Влад уже заметил.

— Музыку слушаете? — он кивнул на провод.

— Постоянно, — я вытащила наушники наружу, и они повисли на груди, болтаясь на длинном белом проводе, который давно потерял товарный вид. — Это мой главный аксессуар. Важнее, чем сумка.

— А почему проводные? — он посмотрел на них с лёгким удивлением. — Сейчас все давно на беспроводных.

Я засмеялась, намотав провод на палец:

— Потому что я консерватор в вопросах звука и параноик

в вопросах зарядки. Беспроводные наушники имеют подлую привычку разряжаться ровно в тот момент, когда ты стоишь на остановке под дождём и тебе жизненно необходимо заглушить звуки реальности. А проводные — они как верный пёс. Всегда рядом, всегда работают, никогда не просят подзарядки.

— Логично, — он улыбнулся. — А что слушаете?

— Лучше не спрашивайте.

— Теперь как раз интересно.

— Тяжёлую, — сказала я и тут же пожалела, потому что его брови поползли вверх с выражением искреннего изумления.

— Неожиданно.

— Вот! Именно поэтому я обычно не рассказываю. Я работаю с детьми, а потом люди узнают, что я слушаю музыку, от которой некоторые взрослые начинают креститься, и смотрят на меня с подозрением. Будто я в свободное время не хореографией занимаюсь, а чем-то запрещённым.

Он рассмеялся:

— Настолько всё серьёзно?

— Иногда. На самом деле схема простая: я прихожу домой, снимаю серьги, распускаю волосы, втыкаю вот эти самые наушники и включаю музыку погромче. Родители моих учеников думают, что я завариваю ромашковый чай и вышиваю крестиком.

— А на самом деле?

— А на самом деле у меня в плейлисте то, от чего ваши окна дрогнули бы.

Он посмотрел на провод, который я всё ещё крутила в пальцах, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес:

— Когда-нибудь дадите послушать?

Я замерла. Вопрос был таким неожиданным и таким простым, что я не сразу нашлась, что ответить.

— Это рискованное предложение, — сказала я наконец. — Вдруг вам не понравится, и вы расторгнете договор аренды.

— Я готов рискнуть.

Я улыбнулась, сунула наушники обратно в карман и хлопала по нему ладонью, словно запечатывая обещание:

— Хорошо. Но предупреждаю — потом не жалуйтесь.

Мы дошли до остановки. Она оказалась почти пустой — только одинокая бабушка с авоськой, которая смотрела на нас с таким видом, будто мы опоздали на её личный спектакль. Я посмотрела на электронное табло и тяжело вздохнула:

— Двенадцать минут. Для этого автобуса? Очень оптимистичный прогноз. Скорее двадцать.

Влад посмотрел на дорогу, потом на меня:

— Я могу вас подвезти.

Отказ вырвался слишком быстро, как рефлекс:

— Нет, спасибо. — Я тут же смягчила голос, чтобы не прозвучать грубой. — Я правда дожусь. Тут недалеко.

Он кивнул. Без уговоров. Без «ну давайте, не стесняйтесь». Просто принял мой ответ. И почему-то это мне понравилось больше, чем если бы он начал настаивать. Он мог уйти сразу, но остался. Встал рядом, засунув руки в карманы, и мы вместе уставились на мокрую дорогу, как два человека, которые ждут чего-то, что вот-вот должно случиться.

В свете фонаря его глаза снова казались другими. Больше золота. Меньше коричневого. Я уже почти перестала удивляться. Почти.

— Вы всегда ждёте этот автобус? — спросил он, не поворачивая головы.

— К сожалению. Если он приедет раньше, я лично ему памятник поставлю. На этой самой остановке. С надписью «Наконец-то».

Влад рассмеялся. И в этот момент вдаль показались фары — два жёлтых глаза, пробивающихся сквозь мокрую темноту.

— Кажется, ваш транспорт, — сказал он.

— Вот видите. Стоило вам прийти. Видимо, автобус вас боится.

Автобус подъехал к остановке и тяжело открыл двери, шипя пневматикой и обдавая нас облаком тёплого воздуха из салона. Я поднялась по ступенькам, потом обернулась. Влад всё ещё стоял под навесом, и свет фонаря падал на его лицо так, что я в последний раз увидела его глаза — тёплые, золотистые, с той самой искрой, которую я уже научилась узна-

вать.

— Спасибо за чай, — сказала я. — И за то, что не дали мне замёрзнуть.

Он улыбнулся, и эта улыбка была адресована только мне.

— До завтра, Лиза.

Я кивнула и вошла в автобус. Уже заняв место у окна, я увидела, как он развернулся и пошёл в сторону парковки, не торопясь, с той самой спокойной уверенностью, которая отличала его от всех мужчин, которых я знала. Я проводила его взглядом, пока он не исчез за поворотом. А потом вдруг вспомнила его короткое: «Просто». И почему-то снова улыбнулась, машинально сунув руку в карман и нащупав там спутанный клубок провода от наушников. Рядом с ним, под тканью пальто, тёп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.